

Благодарная Молдавия — братскому народу России

Программа книгоиздания

Благотворители:

Бизнес-Элита, SRL (директор С. В. Марар)

Март, IMSA (директор Ю. О. Дерид)

Инициаторы программы:

Бизнес-Элита, SRL (директор С. В. Марар)

Нестор-История, ООО (директор С. Е. Эрлих)

Участники программы:

Бюро межэтнических отношений при правительстве Республики
Молдова (директор Е. М. Белякова)

Высшая антропологическая школа (ректор Р. А. Рабинович)

Международная федерация национального стиля единоборств
«Воевод» (президент Н. И. Паскару)

Международная федерация русскоязычных писателей
(председатель О. Е. Воловик)

Общественная благотворительная организация «Единодушие»
(президент И. В. Мельник)

Союз коммерсантов «Est-Vest Moldova» (председатель С. М. Цуркан)

Издания, вышедшие в рамках программы «Кантемир»

Тематические номера журнала «Нестор»

- Нестор № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры / Отв. ред. В. И. Мусаев. СПб.: Нестор-История, 2007. 388 с.
- Нестор № 11. Смена парадигм: современная русистика / Отв. ред. Б. Н. Миронов. СПб.: Нестор-История, 2007. 400 с.
- Нестор № 12. Русская жизнь в мемуарах / Отв. ред. А. И. Купайгородская. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с., ил.
- Нестор № 13. Мир детства: семья, среда, школа / Отв. ред. Е. М. Балашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 290 с.
- Нестор № 14. Технология власти-2 / Ред. номера И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2010. 384 с.

Библиотека журнала «Нестор»

- Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. 2-е изд. СПб.: Нестор-История, 2006. 480 с.
- Гордин Я. А.* Дороги, которые мы выбираем, или Бег по кругу. СПб.: 2006. 340 с.
- Киянская Г. М., Киянский И. А.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2007. 386 с. «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели В. Н. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2006. 270 с.
- Щербатов А. Г.* Мои воспоминания / Под ред. О. И. Киянской. СПб.: Нестор-История, 2006. 278 с.

Серия «Настоящее прошедшее»

- Баевский В. С.* Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. 508 с., ил.
- Галицкий П. К.* «Этого забыть нельзя!». СПб.: Нестор-История, 2007. 168 с., ил.
- Галицкий П. К.* «Почти сто лет жизни...». Воспоминания пережившего сталинские репрессии. СПб.: Нестор-История, 2009. 308 с., ил.
- Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном. СПб.: Нестор-История, 2009. 724 с., ил.
- Лотман Л. М.* Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2007. 280 с., ил.

Несерийные издания

- Анти-Эрлих. Pro-Moldova. СПб.: Алетейя, 2006. 314 с.
- Дергачев В. А.* О скитетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История, 2007. 488 с.
- Исмаил-Заде Д. И.* И. И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб.: Нестор-История, 2007. 364 с.
- Латин В. В.* Полтава — российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. СПб.: Нестор-История, 2009. 332 с.
- Русская семья “Dans la tourmente déchainée...”. Письма О. А. Толстой-Воейковой 1927–1930 гг. / Публ. и коммент. В. Жюбер. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2009. 526 с.
- Русское будущее: сб. ст. / ред.-сост. В. В. Штепа. СПб.: Нестор-История, 2008. 280 с.
- Эрлих С. Е.* История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

*Источники
Исследования
Историография
Библиография*

ВЫПУСК VIII

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

УДК 947.073.1
ББК 63.3 (2) 47

Ответственный редактор и составитель:
О.И. Киянская

Редакционная коллегия:
Т.В. Андреева, А.Г. Готовцева,
О.И. Киянская (ответственный редактор),
А.А. Кононов, М.П. Одесский, В.С. Парсамов,
Д.М. Фельдман, А.Н. Цамутали, С.Е. Эрлих

14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историо-
графия, библиография. Вып. VIII. — СПб. : Нестор-История,
2010. — 584 с.

ISBN 978-5-98187-631-8

В оформлении обложки использована акварель
К.И. Кальмана «Декабристы. 14 декабря 1825 года
на Сенатской площади»

ISBN 978-5-98187-631-8

© О.И. Киянская, составление, 2010
© «Нестор-История», 2010

Содержание

Источники

- Документы по истории доноса И.В. Шервуда в собрании Государственного Исторического музея.**
Вступительная статья, подготовка текста и комментарии *Л.Л. Бойчук* 9
- Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах государственного архива Одесской области.** Вступительная статья, подготовка текста и примечания *О.И. Киянской* 47
- Родственники декабристов в 1826 г. (И.М. Муравьев-Апостол и Н.Г. Репнин).** Вступительная статья, подготовка текста и примечания *А.Г. Готовцевой*.....98

Исследования

- Д.С. Артамонов.* **Террористическая и тираноборческая модели в политической культуре декабристов** 113
- А.П. Ковалева.* **«Виленская история»: «дуэль» В.С. Норова с великим князем Николаем Павловичем** 143
- А.Г. Готовцева, О.И. Киянская.* **Князь А.Н. Голицын и К.Ф. Рылеев: к постановке проблемы**..... 152
- В.С. Парсамов.* **Союз благоденствия и литература**..... 235
- Д.П. Ивинский.* **А.С. Пушкин, П.И. Пестель и «кишиневский кружок декабристов»**271
- П.А. Трибунский.* **Отзвуки движения декабристов в Рязанской губернии (по материалам государственного архива рязанской области)** 296
- В.А. Шкерин.* **Декабрист Владимир Глинка**..... 320
- В.А. Удовик.* **М.С. Воронцов и декабристы** 344

М.П. Одесский. «Славянские девы» *А.И. Одоевского*
и идеология «славянской взаимности» 379

Историография. Обзоры. Рецензии

Л.Ф. Кацис. **Набоков, Пушкин и декабристы — I**
(*К.Ф. Рылеев* в комментариях *В.В. Набокова* к IV главе
романа *А.С. Пушкина* «Евгений Онегин») 399

Полемика

П.В. Ильин. **Проблема реконструкции персонального**
состава тайных обществ декабристов в современной
историографии (некоторые спорные вопросы) 418

Д.М. Фельдман. **Департамент приемов и уловок..... 458**

Очередное открытие американской славистики. Рец.: *Trigos,*
Ludmilla A. *The Decembrist Myth in Russian Culture.* New York:
Palgrave Macmillan, 2009. 239 p. (*С.Е. Эрлих*)..... 491

Рец.: Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного
уголовного суда и Следственной комиссии. Т. XIX. М., 2001.
528 с.; Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного
уголовного суда и Следственной комиссии. Т. XX. М., 2001.
592 с. (*П.В. Ильин*)..... 511

Ю.В. Латыш. **Концепция «украинского декабризма» 533**

М.В. Загидуллина. **Пушкин и декабристы как**
мифологическая пара 556

Размышления по поводу книги: *Рахматуллин*
М.А. *Екатерина II, Николай I, А.С. Пушкин в воспоминаниях*
современников. М., 2009. 640 с. (*О.И. Киянская*) 578

Contents

Sources

Documents from the collection of State Historical Museum about the background of I.V. Sherwood's denunciation.

Introductory article, preparation for publication
and annotations by *L.L. Boychuk*9

Records of investigation of the case of the members of secret societies from the collection of the Archive of Odessa region.

Introductory article, preparation for publication
and annotations by *O.I. Kiyanskaya*..... 47

The relatives of the Decembrists in 1826 (I.M. Muravyov-Apostol and N.G. Repnin). Introductory article, preparation

for publication and annotations by *A.G. Gotovtseva*98

Research

D.S. Artamonov. Terrorist and regicidal patterns in political culture of the Decembrists 113

A.P. Kovaleva. "Vilna incident": a "duel" between V.S. Norov and Grand Duke Nikolai Pavlovitch 143

A.G. Gotovtseva, O.I. Kiyanskaya. Prince A.N. Golitsyn and K.F. Ryleev: problem statement 152

V.S. Parsamov. Soyuz Blagodenstviya and Literature 235

D.P. Ivinsky. A.S. Pushkin, P.I. Pestel and "Kishinev Decembrists Circle" 271

P.A. Tribunsky. The echoes of the Decembrists movement in Ryazan province (based on the materials from the collection of State Archive of Ryazan region) 296

V.A. Shkerin. Decembrist Vladimir Glinka 320

V.A. Udovik. M.S. Vorontsov and the Decembrists..... 344

M.P. Odessky. “Slavic Maidens” by A.I. Odoyevsky and ideology of “Slavic community” 379

Historiography.Surveys. Reviews

L.F. Katsis. **Nabokov, Pushkin and the Decembrists — I** (K.F. Ryleev in Nabokov’s annotations to chapter 4 of “Yevgeny Onegin” by A.S Pushkin) 399

Polemics

P.V. Ilyin. **The problem of reconstruction of personal membership of the Decembrist secret societies in modern historiography (some disputable issues)** 418

D.M. Feldman. **The department of feints and tricks** 458

Another discovery of American Slavonic Studies. Review:
Trigos, Ludmilla A. The Decembrist Myth in Russian Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 239 p. (*S.E. Erlich*) 491

Review: The Decembrist Revolt. Documents. Records of Supreme Criminal Court and Investigating Commission.
V. XIX. M., 2001. 528 p.; V. XX, M., 2001. 592 p. (*P.V. Ilyin*)..... 511

Yu.V. Latysh. **The concept of “UkrainianDecembrism”** 533

M.V. Zagidullina. Pushkin and the Decembrists as a mythological pair..... 556

Speculation about the book: Rakhmatullin M.A. Yekaterina II, Nikolai I, A.S.Pushkin in the memoirs of their contemporaries. M., 2009. 640 p. (*O.I. Kiyanskaya*) 578

Источники

Документы по истории доноса И.В. Шервуда в собрании государственного исторического музея

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Л.Л. Бойчук

Прошло 180 с лишним лет со времени раскрытия заговора декабристов. И за это время как оценка движения в целом, так и взгляд на события на Сенатской площади претерпели значительную эволюцию: от восторженного восприятия восстания как кульминационного момента движения до размышлений о том, что «14 декабря вообще могло не быть» (**Мироненко 2002**).

Но восстание все-таки было. Это наша история, и были связанные с восстанием поступки разных людей и действия власти, о чем свидетельствуют документы, давно вошедшие в научный оборот.

Среди этих документов есть и те, которые известны историкам только по публикации — по-видимому, их подлинников никто из исследователей не держал в руках. Именно о такого рода документах, отложившихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (**ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. х. 256. Л. 1–59**), и пойдет речь в данной статье. Они относятся ко времени раскрытия правительством Южного общества декабристов — ноябрю-декабрю 1825 г.

В данном случае будут опубликованы три документа, связанные между собою общей тематикой. Все они относятся к истории доноса И.В. Шервуда на Южное общество декабристов. Первый из них — черновик доноса Шервуда начальнику Главного штаба И.И. Дибичу от 18 ноября 1825 г. Два других документа принад-

лежат перу полковника С.С. Николаева, помогавшего Шервуду в расследовании. Это черновик доклада Николаева Дибичу и дневник, который полковник вел во время событий ноября-декабря 1825 г. Они сшиты вместе с донесением Шервуда.

Иван Васильевич Шервуд — неоднозначный исторический персонаж. За свой донос он был награжден особой приставкой к фамилии — стал Шервудом Верным; Николай I даровал ему дворянство и лично составил герб (**Троицкий 1990**: 138). Но многие современники называли его Шервудом Скверным и презирали его. Происходил Шервуд из английской семьи, переселившейся в Россию по приглашению императора Павла I. Отец Шервуда, Василий Яковлевич, был способным механиком, и российский император желал заполучить его для недавно основанной Александровской мануфактуры.

Весьма любопытны воспоминания о Шервуде его родного племянника — архитектора Исторического музея Владимира Осиповича Шервуда (ОР РГБ: Ф. 526. Карт. 1. Ед. хр. 21 Л. 1–6). Племянник отмечал английское хладнокровие дяди, физическую силу, мужество, склонность к безнравственным поступкам, рассчитанным на то, чтоб произвести эффект на окружающих.

«В русском воинстве есть особая сила, — писал В.О. Шервуд. — Эта сила чужда всяким эффектам: она есть чистое самовыражение, и в этом ее непобедимость. Вот этого культурного чисто русского элемента не было в несчастном Иване Васильевиче и, несмотря на... беспредельную храбрость, он никогда не был истинным героем русской жизни».

Племянник особо подчеркивает личную преданность своего дяди императору. Глава семьи Василий Яковлевич имел звание «придворного механика», был награжден средствами, а семья была осыпана милостями.

«Отсюда станет понятно, что, узнавши о заговоре и покушении на жизнь императора, личного благодетеля семьи, Иван Васильевич не мог оставаться равнодушным», — так объяс-

няет его поведение племянник. **«Но, увь! — восклицает он, — он не был моим идеалом».**

Деятельность Шервуда-доносчика неоднократно рассматривалась в литературе (Троицкий 1990: 75–138; Федоров 1988; Коржов 2005). Однако в данном случае, в связи с предпринимаемой публикацией, следует вкратце восстановить обстоятельства, связанные с этой деятельностью.

Первый донос Шервуд сделал 17 июля 1825 г. при личном свидании с Александром I в Каменноостровском дворце. Это свидание Шервуд получил при посредстве своего соотечественника, лейб-медика Я.В. Виллие, личного врача императора. Императору Шервуд рассказал о своих подозрениях, назвав в качестве заговорщика лишь прапорщика Ф.Ф. Вадковского, неосторожно доверившегося доносчику. Шервуд получил согласие Александра I на дальнейшие наблюдения.

Второй донос поступил 20 сентября, при этом Шервуд — через А.А. Аракчеева — просил императора прислать к нему чиновника, обличенного полномочиями, на случай возможных арестов подозреваемых. Это сообщение попало к Александру I только 11 октября, когда он уже был в Таганроге. Сопровождавший императора в поездке начальник Главного штаба И.И. Дибич отнесся к информации Шервуда весьма скептически: ничему не поверил и уверял императора, что все это выдумка (Шильдер—1905: 482). И только месяц спустя — 10 ноября — последовало распоряжение императора послать в помощь Шервуду полковника С.С. Николаева. Вскоре император заболел, а 19 ноября скоропостижно умер. После его смерти заботы о расследовании поступавших на Высочайшее имя доносов полностью легли на плечи Дибича, сменившего свою точку зрения на прямо противоположную.

Полковник Степан Степанович Николаев, помогавший Шервуду в сборе информации, личность малоизвестная. Николаев был участником Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, участвовал в Бородинском сражении и других битвах, состоял при генерал-лейтенанте графе В.В. Орлове-Денисове, отличился при взятии Парижа, был награжден золотой

шпагой «За храбрость». С 1823 г. Николаев — полковник лейб-гвардии Казачьего полка, с 1843 г. — генерал-лейтенант.

В конце 1825 г., отправляя Николаева в помощь Шервуду, Дибич потребовал от последнего полной откровенности в отношении полковника, совместной работы для того, чтобы раскрыть заговор. Вот почему свой последний, третий донос от 18 ноября, Шервуд адресует Дибичу через Николаева. Черновик именно этого доноса публикуется ниже. По смыслу с ним связан и второй документ в данной публикации: черновик «Письменного доклада полковника С.С.Николаева барону Дибичу» (ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. х. 256. Л. 18–23). Этот доклад Николаев составил на основании полученных от Шервуда — для передачи Дибичу — сведений.

Особенно отчетливо черновой характер документа виден в доносе Шервуда. В рукописи много зачеркиваний и вставок, чувствуется, что автор озабочен тем, как бы не упустить ни одной детали из добытой информации. Он спешит, перо его не поспевает за лихорадочно работающей мыслью — в рукописи много неоконченных, обрывающихся на 2-ом, 3-ем слоге слов, часто одно слово заменяется другим, более выразительным, как кажется автору, меняются местами или вставляются на поля целые фразы.

Рукопись не только полна исправлений, но и незакончена — обрывается на невыраженной по смыслу, а затем зачеркнутой фразе: «**Впрочем единственн... моя просьб...**» Вероятно, автор хотел написать что-то еще, но потом передумал, отсутствует подпись и лишь сбоку торопливо и сокращенно обозначена дата. Разумеется, что в таком виде бумаги начальнику Главного штаба не подаются. Все это позволяет предположить, наличие белого варианта, того самого, который и мог быть отправлен Николаевым к Дибичу. Черновик же остался у Николаева.

И свой доклад, и донос Шервуда Николаев отослал в Таганрог. Дата этой отправки становится известной из третьего публикуемого документа — дневника полковника Николаева:

«Донесение Шервуда и свое в 9 часов вечера отправил с унтер-офицером Мульгановым» — узнаем мы из первой дневниковой записи от 18 ноября 1825 г.

В дневнике Николаева подробно изложены события их с Шервудом деятельности по раскрытию Южного общества. Кроме

того, записи дневника дают представление о личности его автора. Степан Николаев предстает не только как преданный отечеству служака, который обдумывает, планирует свои действия, анализирует и оценивает ситуацию, порой весьма драматичную и опасную («**Жизнь наша — ничто против блага отечества**», — заключает он), но и как человек, задумывавшийся, в отличие от Шервуда, о нравственных критериях совершаемого им дела. Стоит отметить, что, вероятнее всего, именно Николаев подшил к своему докладу и черновик доноса Шервуда, и черновик собственного донесения Дибичу — поскольку все документы имели отношение к одному и тому же расследованию.

Дибич, обобщив информацию, полученную от Шервуда, а также от других доносчиков — А.И. Майбороды и А.К. Бошняка, составляет и отправляет в Петербург обширный сводный доклад. Этот доклад, полученный в Петербурге 12 декабря, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 48. Д. 3. Л. 4–9); его использовал Н.К. Шильдер в трудах об императорах Александре I (**Шильдер 1905**: 408–418). Сведения доклада, по выражению Шильдера, представляют собой **«заключительную страницу царствования Александра I»**.

Доклад Дибича был опубликован Шильдером дважды: не только в книге «Император Александр Первый. Его жизнь и царствование», но и в труде, посвященном его брату, Николаю I:

«Хотя всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Дибича от 4 декабря 1825 г. и был напечатан нами в сочинении “Император Александр I”, но по важности содержания его и тесной связи с событиями, сопровождавшими воцарение императора Николая Павловича, считаем необходимым воспроизвести здесь снова этот исторический доклад. Доклад Дибича послужил исходной точкой начавшегося вскоре дела декабристов, а поэтому для лучшего выяснения замыслов декабристов дополним его в настоящем труде некоторыми важнейшими приложениями» (**Шильдер 1903**: 236).

Среди этих приложений имеются два, соотносящиеся с нашей темой: «Донесение Шервуда от 18 ноября 1825 г.» и «Рапорт полковника Николаева» (**Шильдер 1903**: 623–628), т.е. письменный доклад

Николаева барону Дибичу. Тщательное прочтение обоих текстов в публикации Шильдера и сравнение их с рукописными в собрании ОПИ ГИМ показало, что оба текста, совпадая по смыслу с рукописными, имеют многочисленные редакционные различия. Очевидно, что Шильдер опубликовал чистовые варианты этих документов.

События, произошедшие после отправки доклада Дибича в Петербург, хорошо известны. 13 декабря Николаев арестовал Вадковского в Курске. В тот же день на юге, в Тульчине, посланец Дибича генерал-лейтенант А.И. Чернышев арестовал руководителя Южного общества П.И. Пестеля. Начался планомерный разгром заговора на юге. Однако эти аресты уже не могли остановить разворачивающихся в столице событий: 14 декабря происходит восстание на Сенатской площади.

Публикуемый ниже черновик доноса Шервуда имеет на полях анонимную запись, сделанную карандашом:

«Эта рукопись представляет собой донесение, написанное собственноручно Шервудом для С.С. Николаева и предназначена Дибичу, который и резюмировал это донесение в своем письме к Александру I от 4 декабря 1825 г. Это донесение Дибича (т.е. составленное Дибичем резюме — Л. Б.) напечатано Шильдером в 4-томе “Александр I”, стр. 408–418. У Шильдера эта рукопись Шервуда в руках не была» (ОПИ ГИМ–282: Л. 1).

Карандашная запись, сделанная современным круглым, легко читаемым почерком, вызывает ряд вопросов. Правда ли, что Шильдер, историк, директор Публичной библиотеки, имея доступ в госархивы и опубликовавший множество документов по военной, политической и дипломатической истории не держал в руках эту рукопись Шервуда?

Отвечая на этот вопрос, следует признать правоту автора записи. Ведь эта рукопись — черновая, и в руках у Шильдера действительно не могла быть. А вот вариант, отправленный Николаевым Дибичу и тезисно вошедший в его сводный доклад, безусловно, мог остаться в бумагах Дибича и впоследствии отложиться в государственном архиве (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 468. Л. 17–22).

Второй вопрос связан с установлением авторства сделанной на полях записи. Естественно было предположить, что автор этой записи был владельцем данных документов. И здесь следует кратко остановиться на судьбе этих документов, проделавших путь из России во Францию, затем в Швейцарию и снова в Россию. В 1930 г. они оказались в Музее Революции, а в середине 40-х гг. XX в. осели в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. В отделе учета Музея Революции удалось выяснить, что они были получены этим музеем от Н.А. Рубакина.

Имя Николая Александровича Рубакина, крупного библиотекаря, пропагандиста книги, библиотековеда широко известно и не нуждается в особом представлении. Основные вехи его биографии достаточно полно изложены в статье, предваряющей обзор его архива (Иванова 1963: С. 63–150). Проживая с 1907 г. в эмиграции в Швейцарии, в Лозанне, Н.А. Рубакин продолжал главное дело своей жизни, начатое в России, — пропаганду знаний посредством издания научно-популярной литературы для самообразования в помощь тем, кто лишен был возможности получить систематическое образование. Он писал статьи и создавал пособия по библиотечному делу, библиографии, многие из которых издавались в СССР.

Но, пожалуй, вершиной просветительской деятельности Н.А. Рубакина стало создание им науки, которой он дал название **«библиологической психологии и представляющей в сущности науку о внедрении знаний и идей в чужие Я»** — так писала в биографическом очерке о Рубакине его секретарь М.А. Бетман (ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 355. Ед. хр. 7). Библиопсихология основывалась на изучении влияния книги на читателя, поэтому излюбленным выражением Рубакина, по словам Бетман, было — **«учитесь фехтовать книгой»**. В 1916 г. Рубакин — один из создателей секции библиопсихологии при институте Жан-Жака Руссо в Лозанне. В 1929 г. секция была преобразована в Международный институт библиопсихологии. При институте Н.А. Рубакиным была собрана колоссальная, около 80-ти тыс. томов, библиотека русских книг, доступная всей русской эмиграции. В составе этого собрания находилась личная библиотека А.И. Герцена, нелегальные

русские издания с середины XIX в., уникальные издания по вопросам науки, литературы, искусства, научные произведения самого Н.А. Рубакина (ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 350. Ед. хр. 10). В 1930 г. за заслуги в деле просвещения Н.А. Рубакину была назначена советским правительством пенсия. Это был единственный случай назначения пенсии писателю и ученому, который остался за границей после 1917 г. Свою библиотеку и архив Н.А. Рубакин завещал русскому народу. Вот что он писал в своем завещании:

«Тебе одному, русский народ, я обязан отчетом за прожитые вдали от тебя годы. Тебе одному я обязан тем, что, дожив до глубокой старости, сохранил всю жажду и жар служения тебе... Ныне я возвращаю тебе — в виде моей библиотеки, которую я собрал для тебя, для твоего духовного роста».

С 1946 г. библиотека Н.А. Рубакина находится в Российской государственной библиотеке (РГБ), тогдашней библиотеке им. В.И. Ленина, и представляет собой отдельную книжную коллекцию с шифром “Рб”. Кому из нас не попадались книги с этим шифром? В 1951–1954 гг. поступил в Отдел рукописей теперешней РГБ и архив Н.А. Рубакина, одна опись которого составляет четыре толстых специально переплетенных книги.

Знакомясь с описью его архива, естественно было искать какое-либо упоминание об интересующих меня материалах. Имея это в виду, я искала по описи переписки фамилию Николаева: бумаги эти, оставшиеся у С.С. Николаева, возможно, могли попасть к кому-либо из его потомков, а через них — к Рубакину. Предположение оправдалось: в архиве оказалась внушительная пачка — более ста писем от Петра Петровича Николаева, внука того самого полковника С.С. Николаева.

П.П. Николаев — религиозный философ, мистик, и значительная часть его писем к Рубакину содержала обсуждение различных религиозно-философских вопросов. Их переписка длилась не один год. Письма от П.П. Николаева шли из Франции, из Ниццы, одного из известных центров русской эмиграции. Очевидно, что П.П. Николаев также был эмигрантом. Я чувствовала, что интересующие меня документы могли попасть к Рубакину только от него, вчитывалась в письма в надежде встретить хоть какие-то

слова, соотносящиеся с целью моих поисков. И вот с начала 20-х гг. в письмах Николаева стали появляться жалобы на нужду, вытесняющие обычную тему религиозной философии. Так в одном из писем Николаев писал, что задержался с ответом, т. к. был занят изготовлением яблочного мармелада и уже продал 50 кг.

Наконец пошли письма, которые я читала с особым вниманием: в них Николаев писал, что материальные трудности заставляют его подумать о продаже своей библиотеки и том, что он хотел бы, чтобы его библиотека попала в хорошие руки. Лучше всего было бы, чтобы она оказалась у Н.А. Рубакина. И вот попало самое нужное письмо от 5-го марта 1924 г., где Николаев сообщает, что среди его книг есть старинные рукописи:

«...Между прочим любопытные записки, писанные в 1825-ом году полковником Николаевым, моим дедом».

Николаев тут же дает этим записям нравственную оценку:

«шпионили, не заглушая в себе человеческих чувств, но к Шервуду это не относится» (ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 258. Ед. хр. 5 Л. 6).

Таким образом, нашелся ответ на вопрос о том, как к Н.А. Рубакину попали эти документы. Приблизился 100-летний юбилей восстания декабристов. И в России, и в эмигрантской прессе он отмечался появлением многочисленных статей и публикаций. Н.А.Рубакин в связи с этой датой передал приобретенные у П.П. Николаева документы в эмигрантский журнал политики и культуры, выходивший в Праге и называвшийся «Воля России». В архиве Рубакина имеется автограф его собственноручного черного письма в редакцию журнала, где отмечается, что **«сами рукописи Шервуда не были в руках у Шильдера» (ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 161. Ед. хр. 5. Л. 1).**

Документы эти были опубликованы в № 12 за 1925 г. на страницах 46–58 — точно к сроку юбилея. Вот на эту публикацию, главным образом — дневника С.С. Николаева, и даются ссылки в литературе, подробно исследующей сюжеты, связанные с раскрытием декабристских обществ.

В архиве Н.А. Рубакина оказались не только письма к нему П.П. Николаева, но и биографические материалы генерал-

лейтенанта П.С. Николаева, сына Степана Степановича Николаева, автора записок, и философские работы самого П.П. Николаева. Очевидно, что П.П. Николаев продал Рубакину вместе со своей библиотекой не только рукописи Шервуда и записки своего деда, но и весь свой семейный архив. И вот в этом архиве оказался еще один любопытный документ. Это «Объяснение к запискам С.С. Николаева», написанное П.П. Николаевым. Мысли эти, думается, П.П. Николаев изложил только для Рубакина, когда передавал рукописи, так как привык обсуждать с ним занимающие его вопросы. Этим можно объяснить его помету на «Объяснении» — «не для публикации». А о том, что рукописи будут опубликованы, П.П. Николаев знал: об этом свидетельствуют его письма 1925 г., где он справлялся, как продвигается это дело.

«Объяснение к запискам» представляет собой анализ внуком деяний своего деда спустя десятилетия. Прежде, чем оценить его действия, он характеризует деда как человека честного, не жестокого, но неуклонно исполнявшего то, что он считал своим долгом и что казалось ему нужным для блага России. Далее П.П. Николаев пишет, что записки деда помимо исторического интереса имеют чисто нравственный:

«...и в том, и в другом лагере было много людей искренно веривших, что они преследуют хорошую цель — благо России. Декабристы видели благо России в конституции, охранители старого видели благо России в том, чтобы не допустить до кровавого переворота и конституции... Они верили, что защита существующего строя против революционеров есть цель очень высокая и ради этой цели... допускали самые дурные средства: шпионство, предательство, казни и ссылки. В борьбе с революционерами люди эти тоже рисковали своей жизнью, они нередко смутно чувствовали (как, например, автор записок) безнравственность и жестокость употребляемых ими средств, но неизменно думали, что для достижения хорошей цели допустимы средства самые дурные. Так думают всегда люди, пока у них нет разумного религиозно-нравственного отношения к своей собственной жизни и к жизни всех других людей» (ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 409. Ед. хр. 3).

Действительно дневник С.С. Николаева, как уже отмечалось, наполнен его собственным отношением к происходящему, а описанная им сцена ареста Ф.Ф. Вадковского вполне подтверждает, **«что шпионили, не заглушая в себе человеческих чувств».**

В этой же папке, вместе с «Объяснением» находится небольшой, всего в четверть тетрадного листа, кусочек бумаги, содержащий ту же по смыслу запись и, главное, тем же круглым почерком, что и заинтересовавшая меня карандашная запись на донесении Шервуда. По атрибуции отдела рукописей ГБЛ запись сделана рукой Марии Артуровны Бетман. Она, видимо, и помогала готовить рукописи к публикации. Как уже отмечалось, М.А. Бетман была секретарем Н.А. Рубакина. В своем завещании Н.А. Рубакин назвал Марию Артуровну своей духовной дочерью и преемницей, продолжательницей своих работ, идей и намерений. **«За время фанатичной работы она успела не только изучить дело, а стала вторым Я»,** — писал Рубакин. В завещании ей поручались библиотека, архив института библиопсихологии, личный архив в надежде, что она превратит это в достояние русского народа (ОР РГБ. Ф. 358. Карг. 503. Ед. хр. 3).

Таким образом, на все вопросы, вызвавшие эту статью, нашлись ответы. Стало быть, в ОПИ ГИМ находятся подлинные старые бумаги с выцветавшими чернилами — свидетели тех далеких событий, передающие всю их драматичность. Кроме участников этих событий — Шервуда и Степана Николаева, затем его внука, далее Н.А. Рубакина и его секретаря М.А. Бетман, никто из историков этих бумаг не видел, хотя и знали об их содержании. И это само по себе любопытно.

Может показаться, что документы эти исчерпали свою востребованность. Но жизнь подтвердила их полную востребованность в музейном, экспозиционном плане. Каменский государственный историко-культурный заповедник Украины бережно сохраняет память о владельцах усадьбы Давыдовых, где проходили заседания Каменской Управы Южного общества декабристов. Как известно, именно в Каменке возникла так называемая шервудовская легенда и сложился образ «Шервуда в Каменке» (**Троцкий 1990**: 122). Легенда состоит в следующем: брат декабриста В.Л. Давыдова Александр Львович искал механика для починки

мельницы. Ему был рекомендован унтер-офицер 3-го Уланского полка Шервуд, владеющий техническими знаниями. Занимаясь приведением в порядок мельницы, Шервуд якобы подслушал случайно разговор, из которого узнал о существовании тайного общества и имени заговорщиков. Эту версию событий использовал М.И. Богданович в своей истории Александра I и исторический писатель Г.П. Данилевский в повести “Каменка”. Легенда эта была развенчана еще С.Г. Волконским (**Волконский 1991**: 400–401), но его записки увидели свет только в 1901–1902 гг., то есть спустя 36 лет после их написания. Поэтому первым, кто публично развенчал эту легенду, считается Шильдер (**Шильдер 1896**: 66–98). Однако подобная трактовка событий присутствует в воспоминаниях потомков декабриста В.Л. Давыдова — его внука Ю.Л. Давыдова и правнука А.В. Давыдова (**Давыдов 1962**: 8; **Давыдов 1983**: 10). И это свидетельствует о том, что передаваясь из поколения в поколение, легенда стала частью истории Каменки. К этому можно добавить, что сохранилась та самая мельница, и это также способствовало бытованию легенды. Мельница как экспонат включена в экскурсионный обзор усадьбы.

Государственный исторический музей подарил Музею-усадьбе «Каменка» копию донесения Шервуда. Используя в экспозиции этот документ, сотрудники «Каменки» получили возможность научно интерпретировать сложившуюся там историческую легенду.

Ниже публикуются эти документы полностью. Первая их публикация в журнале “Воля России” давно стала библиографической редкостью. В настоящей публикации была произведена тщательная сверка текстов первой публикации с оригиналами рукописей, устранены обнаружившиеся неточности, составлены примечания. Тексты приведены в соответствие с современными требованиями орфографии и пунктуации. В квадратных скобках расшифровываются сокращения.

№ 1.

**Черновик донесения И.В. Шервуда начальнику
Главного штаба И.И. Дибичу¹**

Начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества
Генерал-адъютанту и Кавалеру Дибичу.

Предписание Вашего Превосходительства² от господина Полковника и Кавалера Николаева, я имел честь получить, на которое сим почтеннейше имею честь донести, что из донесения моего Главному над военно-поселениями начальнику видно, на чем остановил и свое действие.

Итак, пробывши в городе и окрестностях Орла до 26 числа прошлого октября месяца, изыскивал все средства к открытию известного. Имея разные письма, был между прочим два раза и у корпусного командира генерал-адъютанта Бороздина³, но по малому времени было все безуспешно. Узнав, что граф Николай Булгари⁴ проехал из полка к отцу, поспешил возвратиться к прапорщику Вадковскому. Нашел его еще в г. Курске с эскадронами, занимающими там караул, который весьма обрадовался моему приезду, говоря, что он меня ожидал с нетерпением даже и⁵ прежде сего, и, что может служить доказательством, письмо оставленное им мне от октября по случаю его отъезда из г. Курска к графу Захару Чернышеву⁶ в 80 верстах. Я письмо спрятал, которое при сем прилагаю⁷.

Он был в восхищении, что дела идут хорошо и что он получил из Петербурга сведения, что в весьма короткое время принято в Гвардии человек до 10-ти, но чрез кого, он не сказал; потом начал я изыскивать все средства, сколько можно узнать, откуда оно имеет свое начало. Стал ему говорить о его прежнем предположении составить со мною ведомость и отослать с графом Николаем Булгари, как он хотел по принадлежности.

«Вообрази, — сказал он мне, — что и Булгари уехал с графом Спиро и Андреем Булгари⁸ в Одесс»⁹, — чем сделал мне большую остановку в отправлении донесения, имея при том нужду сделать требование от главных членов, как то: о заведении секретной типографии выдавать в публику разные сочинения

на русском диалекте, чтобы более приготовить всех к сказанному содействию и требовать конституцию, в трех экземплярах — один для доставления в С. Петербург, другой собственно Вадковскому, третий для меня, как уже имею столь значительное число под своим ведением. Впрочем, — сказал он, — что способнее он не находит никого послать, как поручика графа Булгари, и что должен непременно дожидаться его приезда. Я всячески давал ему чувствовать, что я теперь на свободе и душевно желал бы на себя взять таковое поручение. Он мне отвечал, что граф уже на то определил себя и имеет подорожную во всю Российскую империю (что и действительно), после чего писал он мне вопросы некоторые и должен был ему отвечать насчет своих действий.

Вопросы были следующие: главная причина, побуждающая их быть сообщниками, негодование вообще генералитета, штабс-и обер-офицеров и нижних чинов, какие меры были взяты мною к открытию им сего, как ими было оное принято, свойство нижних чинов вообще, число войск, могущих поднять оружие в случае нужды, сколько мной принято, есть ли в числе принятых с отличными способностями ума, могущих во всяком случае быть полезными (таковых показал числом шесть).

Прозваниев¹⁰ ничьих не писал список, составил ведомость¹¹ как можно ближе к образу мыслей их, на ведомости мое заглавие:

«1825 года Октября 30 дня в Курске. Состояние военных поселений в Херсонской и Екатеринославской губерниях».

После чего велел он подать свечу, и сожжены были его вопросы пункты и моя черновая ведомость, а белую он спрятал в скрипичный свой футляр, где она лежит и теперь с какими-то бумагами, полагаю, какие-нибудь письма из С. Петербурга. Он, указывая на их, сказал: «вот, где я храню свои бумаги, в случае не дай бог чего, то человек сей же час может взять¹² и сжечь, что будет незаметно».

В бытность у него один день провел он в карауле, где и я был целый день, на главной Курской гауптвахте¹³, куда днем принесены были ему письма, в коих числе одно из Елисаветграда от Николая Булгари, где извиняет, что он по причине отъезда Спирос и Андрея Булгари поехал с ними, которые едут в Корфу.

Вечером пришел к Вадковскому Северского Конноегерского полка майор Гофман¹⁴, которого он так довел своими суждения-

ми и разговорами о разных несправедливостях, притеснениях и невыгодах деспотического правления, что тот сам сказал, что удивительно, сколько умных людей и не предпринимают ничего к изменению правления. Но Вадковский ему ничего при мне не открыл, а когда он ушел, то он сказал мне, что он уже его давно к сему приготовил и при первом с ним свидании он будет принят, как человек¹⁵ согласный с общим их мнением, а, как с большим умом, то может быть очень полезен. Эскадроны выступили из города, а другие на место их пришли. Дивизионный начальник генерал Засс¹⁶ оставил Вадковского еще на полтора месяца в г. Курске за адъютанта при оных вступивших эскадронах.

Будучи у Вадковского, писал я графу Андрею Булгари, чтобы скорее возвратился Николай Булгари, где он приписал к Николаю, чтобы скорее приезжал. Письмо это повезет граф Захар Чернышев, который также ждет себе отпуска из главной квартиры 1 армии. И узнал я от него следующее: что в сем обществе состоит граф Захар Чернышев, ротмистр Кавалергардского полка, Свистунов¹⁷ того же полка, действующее¹⁸ по сему заговору лицо в С.Петербурге; Бураков Конногвардейского полка, что женат на Ушаковой¹⁹, находящейся при дворе, недавно принят Вадковским. Не знаю по какому случаю проезжал через Курск и виделся с ним, которого чин и имя мне неизвестно, юнкер, приехавший к родным близко Орла из Киева, Скарятин²⁰, но как его зовут, мне также неизвестно, и которого полка. По открытии ему оным Вадковским сказал ему, что давно был своим учителем к подобным мыслям приготовлен²¹. Граф Бобринский²², которого имени еще не знаю, жертвует десять т[ысяч] рублей на заведение секретной типографии; полковник Павел Пестель, бывший адъютант графа Витгенштейна и командует ныне во второй армии полком, но которым, даже и Вадковскому неизвестно — почему просил меня, если имею во 2 армии знакомых, то чтобы написал от себя письмо, чтобы уведомить, где он стоит с полком и каким командует, и что ему самому неловко к нему писать, что я и сделал — написал капитану Шишкову²³, моему знакомому, адъютант у генерала Рудзевича²⁴ и к майору Пузину²⁵, находящемуся при особых поручениях у генерала Киселева²⁶, генерал-интендант 2 армии Юшневский²⁷. Все сие узнал я из наших с ним в разное время разговоров и, дабы удалить

всякое на меня подозрение, не решился спросить даже, который Бобринский и чины некоторых прочих.

Между прочим Вадковский показывал мне письмо, писаное им графине Анне²⁸ Чернышевой²⁹, прося о ходатайстве брату³⁰ прощения у Государя Императора, которое ею³¹ вручено Государыне императрице (во время проезда) Ее Величества через Белгород. В письме сем³² он ясно говорит, что впоследствии времени он будет знать, как отблаг[дарить] Государя императора, что был предмет общего нашего смеху, где он также упоминает, что если он прежде делал по молодости лет глупости, то теперь, верно, не делает того (т.е. что он действует гораздо осторожнее)³³.

Я оставил его 2 числа ноября под предлогом, что еду к брату в Харьков, с которым в проезд мой в Орел, спеша по делам полковника Гревса³⁴, я не успел видиться, и что буду в Чугуеве собственно для того, имея знакомых пригласить в общество (о чем на сих днях его уведомлю, что человека два мною принято), и что буду ехать в 15 числа ноября в Москву и Петербург, но к нему заеду, и он обещал к своим сотоварищам дать письмо³⁵.

Между тем комиссионер³⁶ графа Якова Николаевича Булгари³⁷, будучи послан в Белгород к графине Чернышевой, нашел там Вадковского, который чрез него прислал мне приложенное при сем письмо — предлог собирания долга — есть ни что иное, как приглашение в Чугуеве сообщников, и что граф не заехал к нему в деревню — это значит к нему собственно для доставления³⁸ донесения³⁹.

Все сии обстоятельства я представил госпо[дину] полковнику Николаеву и общим нашим именем предположил следующее⁴⁰. Пробыть в г. Харькове до 1 числа декабря месяца⁴¹. В течение сего времени можно полагать, что будут ответы от майора Пузина и капитана Шишкова, также не приедет ли граф Николай Булгари, который должен быть прежде у отца, т.е. в Харькове, и действовать по прибытии его так, чтобы взять по дороге с донесением, в противном случае, если бы граф Николай Булгари к тому времени не приехал, то мне ехать непременно к Вадковскому и всеми силами стараться, чтоб самому отвезти донесение (в чем я надеюсь успеть). И в том, и в другом случае, взявши донесение, снять точную копию, с которым мне отправиться куда следует,

а подлинное хранить, а там уже стараться связать их ответами и узнать возможное. Господину полковнику Николаеву быть всегда в недалнем расстоянии от меня⁴² на всякий случай могущих встретиться надобностей.

Потом, возвратясь оттуда, ехать в Петербург, и взять от него письма к петербургским сочленам, с коих также снять копии, подлинники оставить и с копиями связать тех ответами.

Буде же, граф Булгари не приедет, и в случае — Вадковский не поручит мне отвезти донесение, в таком случае, узнав, где донесение его⁴³ хранит⁴⁴ взять от Вадковского со всем, что у него находится, отобрав однако же от него письмо, которое он мне обещал в С.-Петербург. Впрочем, однако, единственно моя просьб⁴⁵

[1]825
18 но[ября]
Харьков

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. х. 256. Л. 1–17)

№ 2.

Черновик донесения полковника С.С. Николаева барону Дибичу⁴⁶

Барону Дибичу 18 ноября в 9 часов вечера с К[авалерийским?] унтер-оф[ицером] Мульгановым.

Ровно 15 числа пришел Шервуд в трактир Матуска, и я из числа многих тотчас узнал его по желтому мундиру. Он также отгадал кто я, ибо приметно встревожился, несмотря на то, что я одет был просто в сюртуке.

По приглашению он⁴⁷ явился у меня и, прочитавши повеление В[ашего] П[ревосходительства], рассказал все дело, как писал графу Алексею Андреевичу и лично доносил Государю императору.

Через⁴⁸ нарочного унтер-офицера Мульганова имею честь представить В[ашему] П[ревосходительству] новое донесение Шервуда по сему случаю и два письма, написанные к нему Вадковским. Сами по себе письма еще ничего не объясняют, но соображая с содержанием дела⁴⁹ и рассказами Шервуда, смысл их довольно внятн⁵⁰.

Теперь, соглашая действия мои с показаниями Шервуда, я останавливаюсь на том, что граф Николай Булгари находится с некоторого времени в Одессе и неизвестно когда возвратится. Тот же Шервуд надеется собою заменить Булгарию и выманить от Вадковского⁵¹ поручение, но мне кажется, что он в нем не успеет, ибо, сколько я понимаю, Вадковский не имеет к нему большого доверия.

Впрочем, я решаюсь, как условились мы с ним, до 1 декабря пробыть здесь в ожидании писем и графа Булгарию, а тогда ехать в Курск, отправив наперед туда Шервуда. Между же тем через письмо Шервуд спрашивает у Вадковского — нашел ли он кем заменить графа Булгарию.

Я предполагаю, что если бы Булгари приездом своим замедлил, и удалось Шервуду выманить донесения и ведомости у Вадковского, содержание которых мне известно будет, тогда, узнавши какие именно бумаги остались еще у Вадковского, я намерен взять его, ибо по словам Шервуда он составляет в заговоре довольно значительное лицо⁵².

Не знаю, будут ли одобрены предположения Шервуда⁵³ насчет собрания им на письма Вадковского ответов. Но мне кажется, что такие действия будут весьма медленны и самый ход их ненадежен. Впрочем, первые бумаги, попавшиеся мне в руки, должны открыть более.

Из донесения Шервуда В[аше] П[ревосходительство] усмотреть изволите, что, имея⁵⁴ сильные предстательства, Вадковский надеется получить позволение ехать в отпуск. Если бы это случилось, то человек сей по пылкости ума своего и беспокойному духу через личные свидания наделать может очень много.

Основывая донесение мое единственно на показаниях Шервуда и моем заключении⁵⁵, я осмеливаюсь, наконец, признаться⁵⁶, что, действуя с верноподданническим усердием, я не боюсь неудачи⁵⁷ по возложенному на меня поручению, важность которого понимаю в полной мере. Но, как худой политик, боюсь ошибки⁵⁸, которая может иногда испортить все дело: взять человека легко; но, если не найдется при нем предполагаемых доказательств, то сим в обществе наделать можно много весьма невыгодных толков. В Харькове проживаю я под видом ожидания⁵⁹ из Петербурга офицера и денег, с которыми я должен буду начать покупку унтер-офицерских лошадей

и под сим видом могу пробывать⁶⁰ без всякого подозрения до декабря. А там действовать буду, тоже соображаясь с обстоятельствами⁶¹.

С сим посланным буду иметь честь ожидать ваших приказаний. С ним же прошу покорнейше прислать мне еще два бланкета⁶², ибо, употребив один для посылки унтер-офицера и заменив другим свою подорожную, дабы иметь оную не так грозную, у меня остается свободным только один.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. х. 256. Л. 18–23)

№ 3.

Дневник полковника С.С. Николаева⁶³

Теперь более всего боюсь ошибки в деле столь важном, то есть, чтобы не взять человека без ясных доказательств и не сделать тем попусту много шуму, ибо в таком случае злодеи ото всего могут отказаться.

Харьков 18 ноября.

Чтобы увериться в сказанном Шервудом, надобно бы самому действовать, то есть: вступить в общество заговорщиков. Но мне сего делать никак нельзя. В короткое время доверенность извлечь трудно; к тому же мои лета и угрюмый вид могут изменить мне. Если Вадковский не поверит мне, то можно испортить все дело. Лучше действовать уже через Шервуда. Этот человек, будучи 28 лет, с хорошим воспитанием и отличною гибкостью нрава, несмотря на унтер-офицерский чин свой, принят хорошо во всяком обществе. Следственно и здесь мог быть принят как человек способный, а по службе своей в войсках поселенных как человек весьма полезный. Мне только кажутся предположения его насчет поездки в Петербург с письмами не совсем удобоисполнимы, особенно если здесь Вадковский или Булгари будут взяты, ибо происшествие сие скоро сделается известным в кругу всего общества и ответов ему не дадут. Насчет сей в донесении барону Дибичу я излагаю мое мнение и подожду его разрешения.

Донесение Шервуда и свое в 9 часов вечера отправил с у[нтер]-о[фицером] Мульгановым.

20 ноября

Вчера целый день не виделся с Шервудом — он у меня не был. Между тем поутру был я у губернатора, который встретил и проводил меня в передней. Множеством похвал, на которые весьма щедр, и других вежливостей он осыпал меня. Только когда я сказал, что покупаю украинских лошадей для унтер-офицеров, он удивился. «Да у вас на Дону, — сказал он, — есть прекраснейшие лошади». Я ответил, что так угодно государю и что наши лошади не столь способны к правильной выезде, которую у нас ввести хотят, как здешние. После сего разговор обращен был на другие предметы.

Пребыванием здесь без дела я уже подал разные догадки. Я выдумываю и лгу беспрестанно: «приехал для покупки лошадей и дожидаясь ротмистра из Петербурга, с которым вместе покупать должен». Этим отговариваюсь, но мне уже не верят и, к счастью, — говорят, что я дожидаясь графа Аракчеева, о чем полиция всячески узнать старается и через служителей трактирных, и подсылая под разными видами людей подсматривать мои занятия. Людям приказал соглашаться, что точно дожидаясь графа: это еще не важно, ибо если бы это и правда была, то узнать более ничего нельзя бы. Вечером был у Вановича⁶⁴, который приехал ко мне утром и был, казалось, очень рассеян. Для перемены на несколько дней надо было бы выехать, но не знаю куда, ибо нигде нет ни тени дела, ни знакомых. Что то будет далее, а между тем посланный мой скоро приехать должен.

20 ноября. Вечером

Кто затеял это адское дело? Неужели Вадковский или подобный ему молодой человек? Сомневаюсь и думаю, что тут должно быть кому-нибудь старее. Шервуд сказывал, что готовят к сему корпусного командира генерала Бороздина и приготовление делается самым тонким образом через его адъютантов, из коих барон Черкасов⁶⁵ молодой человек с отлично умною головою. Но я не понимаю, как может сие исполниться, если Бороздин не был к тому готовым, ибо честный человек его лет и чинов не должен следовать за адъютантами и такой человек, имея в руках своих целый корпус, сам должен преследовать злодеев. Впрочем, Вадковский весьма часто относился к Черкасову, приглашая его, но сей отклонял всегда

приглашения, а между тем указывал способных быть принятыми в общество. Если все правда, то Черкасов должен быть из тех людей, кои, действуя, не хотят выставлять своего имени.

И Шервуда не вижу два дня. Но ему и быть у меня часто не должно: он осторожен.

Утром ездил с Вановичем осматривать город только снаружи. Были в зале Благородного собрания. Строеение и внутренняя отделка хороши, но самая зала показалась мне небольшою, к тому же оставленною без всякого присмотра, ибо после выборов, в сентябре еще бывших, не прибраны расставленные стулья и невыметен пол. Университетский сад — заведение также оставленное. Одна Китайская беседка — и та обветшала. Вид города с Холодной горы прелестный! Но университет здешний не имеет его снятым.

22 ноября

Вчера целый день пробыл у меня Шервуд. Изыскивали способы, как лучше взять Вадковского с его бумагами, дабы не дать времени спрятать или сжечь оные. Дело пустое, а препятствий много. Хорошо, если он будет в Курске, то ночью, нечаянно, спящего, с помощью жандармов захватить можно, но Боже спаси, если он наперед начнет догадываться! Я хочу в Курск приехать под чужим именем, остановиться на постоялом дворе и ночью. Днем узнать квартиру и в ту же ночь сделать мой приступ.

Здесь полиция явно меня преследует. Людям не дают отдыха вопросами и подсылают подсматривать. Вчера жид и какой-то неизвестный человек в виде пьяного вошли ко мне, как будто по ошибке. Для перемены толков хочу съездить в Кременчуг под видом принятия вещей, дождусь только Мульганова.

Харьков. 24 ноября.

О Боже! Император скончался. 19 числа, около 10 часов утра он из жизни сей перешел в вечную, оставив неутешенными Императрицу и приверженных к нему подданных. Столько обласканный покойным, я скорблю и справедливо более многих. Уведомление начальника Главного Штаба, вчера вечером полученное, совершенно меня расстроило. Шервуд был у меня в сие время и тоже тронулся.

Курск. 30 ноября.

Целые двое суток не мог я ни спать, ни есть. На сердце у меня лежал камень: его жало, теснило, и я не мог плакать. На третий день я рыдал, как дитя, оставленное матерью, и мне сделалось несколько легче, но мысли мои все были расстроены: я говорил без связи и делал все невпопад.

Поездку в Кременчуг я оставил, дабы поспешить в Курск, я хорошо сделал, иначе по грязной, а после ужасно колкой дороге долго бы мне не возвратиться.

Отправив 25 числа рапорт к генералу Дибичу, что на другой день выезжаю, я действительно в 10-м часу утром выехал в Курск, отправив Шервуда с вечера. Новая, везде взрытая дорога, столь грязна и тяжела, что, ехавши день и ночь, я прибыл в Курск 29-го уже в 3 часа утра вместе с Шервудом, которого догнал в Обояни. Остановился через шесть дворов от Вадковского, а Шервуд въехал к нему. Живу под именем отставного штабс-ротмистра, проезжающего в Петербург, и чуть-чуть ложь моя не обнаружилась. На постоялом дворе, где остановился, нашел казака Попова из Новочеркаска, торгующего вином, который, услышав, что приехал штабс-ротмистр моего прозвания, начал было рассказывать, кто я, но кое-как я заставил его говорить со мной одинаково.

Если бы удалось выманить у злодея Вадковского бумаги и самого его схватить, тогда открылось бы многое. Подождем. Вчера не виделся с Шервудом, а это подает мне надежду, ибо я думаю, что теперь занимаются они приготовлением его вместо графа Булгари.

Как жаль, что лично я не могу действовать. Но я написал прокламацию насчет Дона в республиканском духе⁶⁶ и отдал ее Шервуду. Он переписал и будет читать Вадковскому, как будто бы получил ее от меня, познакомившись со мною в Харькове. Какое то произведет она действие? Нынче, — думаю, — Шервуд увидится со мной, и я что-нибудь узнаю.

В 4 часа пополудни

Обедал в трактире Шарля сего дня. В два часа пришел туда и застал двух офицеров, уже обедающих. Один Таганрогского Уланского полка Штохман, молодой белокурый человек с приятною наружностью, а другой Муравьев, ремонтирующий для

Мариупольского гусарского полка, — довольно заикovat. Разговор был о какой-то дуэли в Гусарском полку. Но я слышал только окончание, и потому ничего узнать не мог. Потом, переходя от одной материи к другой, обращен был к смерти государя. Штохман рассказывал о сем Муравьеву за новость, и у сего показывалась на лице улыбка. Он повторял часто: жаль, жаль, потом удивился, что смерть случилась скоропостижно⁶⁷. Я вмешался в разговор и рассказал, что государь болен был более двух недель и что больным приехал из Крыма. Жаль, жаль — были слова, им повторяемые. Потом заговорили они с Штохманом по-французски о том, кто будет преемником: «Константин, — говорили они, — не может быть, потому, что женат на подданной и не имеет детей». О других же мнения были различны: один для военных только, другой дурил для всех. Наконец, заключили, что надобно ожидать во всем большой перемены. Между тем Муравьев жаловался на несправедливость начальников при приеме лошадей, а Штохман всячески франтил и насвистывал песенки, как дядя Тоби.

5 часов вечера.

Сердце у меня сильно бьется и как будто что-нибудь предчувствует. Я помню, что точно так оно билось в день смерти императора. После обеда я заснул и мне привиделся страшный какой-то сон, так, что я проснулся. Но сердце все еще продолжает биться. Не быть ли сего дня чему-нибудь? Я говорю насчет взятия Вадковского. Мне уже и здесь кажется, что за мной присматривают, как в Харькове. Но здесь я проездом в Петербург по своим делам и дожидаюсь брата из Киева. Более всего желал бы знать теперь, что делают Шервуд с Вадковским. Нынче я проходил мимо ворот квартиры последнего, отколь вышли два человека из его прислуги. Я был впереди их и мне казалось, что они обо мне говорили, но, вслушавшись, что речь идет о каком-то слесаре, я успокоился.

В 8 часов вечера.

В 7 часов опрومتью прибежал ко мне Шервуд и сказал, что все дела идут как нельзя лучше. Ему поручается доставление доносения к Пестелю и 3 числа назначено ими отправить, а 4-го

и сам Вадковский едет с генералом Зассом. Теперь он пишет донесение Пестелю о годовых успехах своих. Князь Барятинский⁶⁸, адъютант Витгенштейна⁶⁹ — в обществе. Более не мог сказать мне, поспешив выйти.

Слава богу. Но только сим действия мои не кончаются. Если возьму Вадковского, то не медля ни минуты отправлю его в Таганорг. Но там, если откроется, что здесь или близко есть кто из сообщников, — должен схватить их, действуя уже гораздо прямее, то есть — через див[изионного] начальника. Сделавши сие, немедленно отправлюсь во 2 армию и через главнокомандующего должен буду потребовать, чтобы взяли Пестеля и других главных, кто откроется. Но наперед отправлю у[нтер]-о[фицера] Шервуда с депешами. В этом случае мы оба будем не в безопасности, но жизнь наша — ничто против блага отечества.

Курск. 1 декабря

Сего дня Шервуд у меня не был, да мы так и условились, дабы не подать причины к подозрению. В самом деле, это ужасно трудно, и надобно больших способностей, чтобы все это выдерживать так, как он. Но, впрочем, иначе и быть сего не должно. Он определил себя на раскрытие ужаснейшего зла и, следственно, должен следовать за ним всеми путями. Завтрашний день должен решить многое.

Вот на чем еще останавливаюсь: Пестель был адъютантом у графа Витгенштейна, а Барятинский теперь адъютант. Ну! Если сам Витгенштейн — глава общества, что весьма легко быть может. В таком случае во 2-ой армии мне делать будет нечего. Я помню и слова Дибича, сказанные мне перед отправлением, что обыкновенно политика генералов при подобных случаях такова должна быть, чтобы пустить вперед молодежь, а самим оставаться в безызвестности для того, что, если попадетя кто из них, то самому быть в стороне. Шервуд говорил, что принимающих на себя исполнение ужаснейшего предприятия имена и от членов даже скрываются.

Курск. 2 декабря. 11 часов вечера.

Наконец, развязка такова, что мне и Вадковского брать не нужно. Письмо⁷⁰, написанное им к Пестелю на 3-х листах на франц[узском] языке, было мне Шервудом прочитано. В нем начально описыва-

ются достоинства посланного и дружба с ним Вадковского, потом требует присылки конституции. Жалуется, что попал в такой круг, где все без хлеба и без чести и служат на одном жалованье. О подполковнике Граббе⁷¹ Северского конно-егерского полка⁷² говорили ему более, нежели нашел он. Впрочем, относит причину неравенству лет и чинов. Надеется на майора Гофмана того же полка, однако не пишет, чтобы он был принят. Говорит, что какой-то Толстой⁷³ в Москве сказывал, что зеленая книга⁷⁴ существует снова, но что в ней многое противу правил здравого смысла. Жалуется и бранит даже полкового своего командира. Уведомляет, что принял одного в корпусе Щербатова⁷⁵. Шервуд пояснил, что это Скарятин. Говорит, что в П[етер]бурге трое: Свистунов⁷⁶, приезжавший к нему и уведомивший, что в Кавалергардском полку уже до 10 человек приобретено членов, да в Измайловском готовых 5 или 6; кроме того⁷⁷, Бобринский, учреждающий в своем имении секретную типографию, и не называет по имени одного, но это должен быть Бураков, женящейся на придворной Ушаковой. Сей последний хвалится⁷⁸, что в невесте особенно нравится ему свобода мыслей, и потому советы Вадковского были, чтобы, пользуясь сим случаем, он открыл дом свой для молодых людей, отличных по способностям, чтобы более завлекать сообщников⁷⁹. Упоминает о Директории, которая, вероятно, у них существует. Хвалит опять Шервуда и успехи его и просит, чтобы Пестель был тоже с ним откровенен. Мысль Вадковского есть, чтобы не прерывать сношений своих, которые, вероятно, идут мимо его, и чтобы для проверки действий назначить 5 или 6 способных членов. Хорошо, если это доверие сделано будет Шервуду⁸⁰.

Кажется, выходит по моему. Вадковский всегда в руках, а круг действий его так мал, что до времени бояться нечего. Теперь надобно поспешить, чтобы предупредить или остановить действия высших. Я начал бы с Пестеля. Шервуд к нему должен ехать и забрать все бумаги, если только он доверит ему. Да нельзя не доверить, если письмо Вадковского не есть отвод. Моя прокламация также посылается. Смешно, что ее читать станут.

Шервуд в 9 часов отправился в Харьков, а с ним послал я Мульганова, сам выезжаю завтра в Таганрог тоже. Что там будет, не знаю: по крайней мере, мне это кажется всего лучше.

Между прочим, должно заметить, что и Шервуд в сведении своем Вадковскому написал насчет рабочих при поселениях батальонов точно то же, что слышал я от Черториского⁸¹ и Вановича. Видно, правда.

Харьков. 5 декабря.

Я выехал из Курска, как располагал, в четверг 3 числа, только несколькими часами позже, то есть в 3 часу пополуночи. Дорога так тряска, особенно для моего простого экипажа, что, приехавши вчерась вечером, до сих пор чувствую себя как будто разбитым⁸². Несмотря на то, что меня в дороге колотило, я думал беспрестанно, как поступить лучше в продолжение данного мне препоручения, и вот, что пришло мне на мысль.

Так как столь ужасное предприятие не может иначе исполниться, как по соглашению к тому большей части офицеров, чему сделано только начало, то действие заговорщиков должно продолжиться много времени в одном приготовлении, да они еще и сами предполагали совершить его в течение двух лет. Открывши теперь путь, надобно следовать к его началу, дабы вырвать самый корень. По письму Вадковского Пестель должен быть откровенен с Шервудом и должен, кажется, сообщить ему важные по сему случаю тайны. Если бы правительству угодно было поручить и мне дальнейшее преследование, то надобно, чтобы во 2-ой армии дать мне полк, самый ближайший к месту расположения Пестеля. И тогда я должен искать его знакомства и доверенности⁸³ под видом тем, что и самому сделаться их сочленом. А Шервуду перейти в полк к Пестелю, дабы сношения их могли быть теснее. Или еще лучше Шервуду продолжить срок отпуска, если пройдет нынешний, и ему оставаться в поселениях под видом тамошних приготовлений и, пользуясь свободой, разъезжать, куда будет нужно, имея секретно подорожную на имя какого-нибудь унтер-офицера другого полка. Мне кажется, что сим способом можно было бы достигнуть много. Вступление на престол нового императора, по моему мнению, сделает остановку и в ихних действиях, потому что многие теперь надолго останутся в нерешимости. Между тем — иметь наблюдение за поступками петербургских членов. Вадковского придерживать к полку под присмотром пол-

кового командира, который тем более должен надсмотр сделать над ним неослабным, что он мыслей, совершенно несходных с его. Булгария отозвать в полк, но также, чтобы он сего не заметил и не виделся бы с Вадковским перед тем, дабы сей не вручил ему каких-нибудь новых бумаг.

Курск. 13 декабря.

Итак, решившись с Шервудом оставить до времени Вадковского свободным, я 3 числа отправился из Курска около 2-ух часов пополудни, проводив еще 2 числа вечером в Харьков Шервуда. 4 числа часов в 8 прибыл в Харьков и все 5 число за изломавшеюся повозкою оставался в Харькове, а 6-го рано поутру пустился в путь к Таганрогу. Дорогою важного ничего не встретилось, и я 8 числа утром прибыл в Таганрог. Шервуд приехал около 12 часов пополудни. В это время явился я к генералу Дибичу, который при встрече крепко обнявши меня, заплакал и сказал: «Ну! Любезный Николаев, мы с тобою все потеряли». Потом опять прижал меня к себе, продолжая плакать. Я рыдал во все время. «Доверие Государя осталось для тебя, — продолжал он, — единственною наградою». И продолжал плакать. Потом рассказал ему о причинах, заставивших меня оставить Вадковского свободным. Он одобрил их, но сказал, что за два дня пред тем генерал-адъютант Чернышев⁸⁴ послан во 2 армию, чтобы произвести формальное следствие по сему делу по доносу какого-то капитана⁸⁵ Пестелева полка, и что потому Вадковского взять непременно нужно будет. Для чего объявил он мне вторичную в Курск поездку. Вечером был я у него вместе с Шервудом, который Дибичу и кн[язю] Волконскому⁸⁶ пересказал также свои предположения, и мне казалось, что они пожалели о поспешной посылке Чернышева.

Вечером 8-го и утром 9-го числа был я за панихидой, и снова слезы, в горести излитые⁸⁷, были данью растерзанной душе моей.

Вечером 9-го числа Дибич прислал за мною и сказал, что письмо Вадковского он перевел по-русски и потому не смел никому доверить, переписать его он просил меня.

Письмо сие начиналось описанием причин, по которым я Вадковского оставил свободным. Описал, как я жил в Курске под именем отставного штабс-ротмистра, скрываясь, чтобы не быть

примеченным, а потом следовало содержание самого письма, так, как у меня выписано, гораздо только подробнее.

Из пояснений, сделанных Дибичем, видно, что Сергей и Матвей — братья Муравьевы-Апостолы⁸⁸, из них один в отставке, и что оба из бывших Семеновского полка и проч.

В разговорах генерал Дибич дал мне знать, между прочим, что заговор сильнее существует во 2 армии, где должна скрываться и Директория, о чем доносит и г[енерал] Л. Рот⁸⁹, командир 3-го пехотного корпуса, коему, вероятно, в особенности поручено блюсти за сим, что зараза сия⁹⁰ происходит от воспитания в Пажеском корпусе, ибо большая часть вольномыслящих — суть питомцы оного. Между прочим рассказал в пример следующий анекдот: в 1822 году двое пажей, Креницын и другого не помню, были разжалованы в солдаты и присланы в 1 армию. Оба были отосланы в корпус генерала Рота. Прослужив несколько времени, за отличную службу и поведение, оба были произведены в унтер-офицеры. Корпусной командир, сжалившись над ними, просил позволения взять их в корпусную квартиру, дабы иметь над ними лучшее наблюдение. Ему позволено. Но примечено было, что они читают, и ему сделано было замечание. Потом один из них застрелился. Начали доискиваться причины и нашли при нем письмо, приготовленное к одному родственнику, где он говорит, что жизнь ему давно наскучила и что он, не видя для себя впереди ничего лучшего, решил давно⁹¹ расстаться с нею. Но удерживало его одно обстоятельство, что он хотел при предполагаемом императором смотре их дивизии сделать переворот в делах Европы, но не удалось. Намерение ужасное! Разговор продолжался долго о наших ученых заведениях, и он сказал, что от них все зло происходит, ибо к нам переходят профессеры-иностранцы, которых за вольнодумство из других университетов гонят. Потом продолжал отчего в Германии это лучше держится.

После сего велел приготовиться назавтра к дороге, чтобы взять Вадковского и его бумаги. Я ушел от него.

На другой день в 9 часов утра я явился к нему, получил повеление об арестовании Вадковского и отправился в 12 часов из Таганрога, а фельдъегерь поехал позади меня за 2 станции.

Сегодня 13 числа в 4 часа утра прибыл в Курск и хотел остановиться на другой квартире. Но, так как не было нигде свободных комнат, то я въехал на старую. Одевшись в мундир, тотчас пошел к полицмейстеру требовать людей, но сей болен и потому адресовал меня к частному приставу, исправляющему его должность. С ним, взявши из пожарной команды 10 чел[овек], пошли мы прямо к Вадковскому, которого квартира была мне известна. Постучался у дверей, и человек отворил мне. «Дома ли Вадковский?» — спросил я. «Дома, — был ответ, — но спит». Не дожидаясь далее, я пошел прямо к нему в спальню, где горел огонь. Несчастный действительно спал, лежа в постели. Я вошел, и он проснулся. «Вы г[осподин] Вадковский?» — спросил я. «Я, — ответил он, испугавшись, — что вам угодно?» Я просил его встать и потеплей одеться. В сие время он до того потерялся², что ничего почти говорить не мог. Между тем лошадей привели, и я, позволив взять ему некоторые вещи, как то: белье и платье, поспешил его отправить, боявшись сам, чтобы не опоздать. Жалок он был во все это время, и я, признаюсь, не хотел бы быть исполнителем сего поручения, так он растрогал меня. Между тем, люди его бегали и плакали. Прощаясь же с ними, он приказал в случае нужды в деньгах, заложить его серебро. Выехав со двора, он еще раз воротился и просил, не могу ли я ссудить его деньгами. Я дал 100 руб., на которые он написал записку к брату или сестре дрожащею рукою и не написал даже месяца.

Таганрог, 6 января 1826.

Все 13 число пробыл я в Курске. Утром был у генерала Засса, к коему имел повеление. Тут мне смешно казалось, а может быть, и я таким казался. Явившись к генералу, я должен был выдумывать, откуда еду. Рассказывал, что из Москвы. Затем следовали вопросы о тамошних новостях: «Когда присягали там новому императору (Константину)?» «30-го», — отвечал я, а на другие вопросы отвечал как, слышал сам. Между тем, объявивши Зассу, что имею к нему дело, вошел в кабинет и подал ему бумагу, объявив о причине своего приезда в Курск и исполнении. Он уже слышал о сем. Тут следовали догадки о преступлении Вадковского, но и я сказывал, что ничего не знаю. Засс боялся и должен был бояться,

попустивши Вадковского быть свободным и давши ему способ жить в Курске, тогда как он то более всего и должен был блюсти, чтобы человек сей, высланный уже один раз из Петербурга за вольнодумство, не заразил им других.

Расклянявшись, я отправился к старому моему знакомому И.И. Булгакову⁹³, где пробыл до самого вечера. В ночь мне выехать не хотелось, и потому я ночевал в Курске. А на другой день 14 числа, осмотревши еще раз в квартире Вадковского и нашед в скрипичном ящике Шервудово сведение о военном поселении и мною сочиненное таковое же о войске Донском, я заехал еще раз к генералу Зассу, который советовал осмотреть квартиру Вадковского в деревне Кривцовке, отправился из Курска около 12 часов утра.

В Обоянь прибыл вечером часов в 7, прямо к полковому командиру Нежинского конно-егерского полка полковнику Гордееву (Якову Федоровичу). Сей принял меня, как должно было ожидать в подобном случае, также с довольноною боязкою. Рассказал, как он присматривал за Вадковским и как Засс оставил его в должности адъютанта против воли Гордеева. Потом дал мне полкового адъютанта (поручика Трофимова), с которым я отправился в Кривцовку. Тут нашел еще несколько бумаг, забрал их и возвратился в Обоянь, где Гордеев ожидал меня ужинать. Остаток ночи решился я провести в Обояни, и потому уже 15 числа выехал в Таганрог, куда прибыл. В Таганрог приехал 18 числа в 2 часа утра и того же числа в 7 часов представил начальнику штаба все бумаги, у Вадковского взятые мною. Поездкою моею Дибич был доволен. Шервуд жил у меня во все время в Таганроге под именем Розена. Его отправили с братом Петром в Петербург уже 23 декабря, в тот же день, как выехал Дибич. А на другой день получено известие о происшествии в Петербурге, во время присяги императору Николаю Павловичу.

События оправдали в полной мере донесение Шервуда. Все лица, в письме Вадковским упоминаемые, оказались участвующими в заговоре. Из них — важнейшее было — Трубецкой, все восстановивший. Ни слова не было слышно о Якубовиче, оказавшемся столь гнусным человеком. Булгари, Граббе, Михайло Орлов, Гофман, Никита Муравьев, в письме Вадковского упоминаемые,

суть лица действующие. Кроме того двое Бестужевых (издатель Полярной звезды и другой брат его, в Морском Гвардейском экипаже служащий)⁹⁴, Рылеев, барон Дельвиц⁹⁵ и множество других известных лиц и неизвестных, были сообщниками сего адского заговора.

Итак, река крови омыла первый шаг вступления на престол русский императора Николая Павловича. О! Дай же бог, чтобы потоки сей реки иссякли при самом ее источнике!

21 числа декабря Дибич посылал меня в Новочеркасск к войсковому атаману с поручением осведомиться о делах грузинских. Ему, вероятно, уже известно было о петербургском происшествии.

Но я ничего узнать не мог, кроме дел частных. Как мне кажется, подозревают Ермолова, но эта голова увернется, ибо, если он действует, то приравниваясь только к обстоятельствам. Он должен быть действующим лицом сам.

Я возвратился 22, почти ничего не узнавши, а 23 числа утром и Дибич отправился в П[етер]бург через Могилев, поручивши мне после конвоя тела государева побывать в Новочеркасске или где найду я нужным по сему предмету.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. х. 256. Л. 24–59)

Примечания и комментарии

¹ Впервые опубликовано: Воля России. — 1925. — № 12. — С. 46–58.

² В рукописи «от 10 ноября» — зачеркнуто.

³ **Бороздин Николай Михайлович** (1777–1830) — в 1825 генерал-лейтенант, генерал-адъютант, командир 4-го резервного кавалерийского корпуса.

⁴ **Булгари Николай Яковлевич**, граф (1805–1841) — поручик Кирасирского полка, член Южного общества.

⁵ В рукописи «ближе» — зачеркнуто.

⁶ **Чернышев Захар Григорьевич**, граф (1797–1862) — ротмистр Кавалергардского полка, член петербургской ячейки Южного общества, двоюродный брат Ф.Ф. Вадковского.

⁷ В рукописи «после и взял себе» — зачеркнуто

⁸ **Булгари Спиридон Николаевич**, граф (1800 — после 1850) — отставной поручик, родной дядя Н.Я. Булгари, знал о существовании тайного декабристского общества, не являясь его членом; **Булгари Андрей Юрьевич** — двоюродный дядя Н.Я. Булгари, также знал о существовании тайного декабристского общества, не являясь его членом.

⁹ Так в документе.

¹⁰ Первоначально — «имен» — зачеркнуто.

¹¹ По поручению Вадковского Шервуд должен был использовать недовольство среди военных поселян с целью привлечения их к деятельности тайного общества. Посредством этой сфабрикованной «ведомости» ему удалось увлечь легко внушаемого Вадковского картиной несуществующего заговора в военных поселениях.

¹² Первоначально — «потом» — зачеркнуто, поверх зачеркнутого — «сжечь».

¹³ Первоначально — «куда вечером» — зачеркнуто.

¹⁴ **Гофман Осип Осипович** — майор Северского Конно-егерского полка, был арестован по доносу Шервуда, впоследствии освобожден, т. к. членом тайного общества не являлся.

¹⁵ Зачеркнуто «умный».

¹⁶ **Засс Андрей Андреевич** (1770–1830) — в 1825 генерал-майор, начальник 1-й Конно-егерской дивизии.

¹⁷ **Свистунов Петр Николаевич** (1803–1889), корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка, член петербургской ячейки Южного общества.

¹⁸ Зачеркнуто «главное».

¹⁹ Имеется в виду **Барыков Федор Васильевич** — корнет лейб-гвардии Конного полка, принятый Ф.Ф. Вадковским в Южное общество, после первого допроса освобожден.

²⁰ Имеется в виду **Скарятин Федор Яковлевич** (1806–1835) — фаннен-юнкер Нарвского драгунского полка. Членом тайных обществ не был, но знал от Ф.Ф. Вадковского об их существовании.

²¹ Фраза со слова «юнкер» продолжена на полях рукописи.

²² **Бобринский Василий Алексеевич** (1804–1874) — отставной корнет лейб-гвардии Гусарского полка, член Южного общества.

²³ **Шишков Александр Ардалионович** (1799–1832) — капитан, старший адъютант штаба 7-го пехотного корпуса, поэт, переводчик, членом тайного общества не был, но подозревался в принадлежности к нему, был арестован, впоследствии освобожден.

²⁴ **Рудевич Александр Яковлевич** (1776–1829) — в 1825 генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса.

²⁵ **Пузин** — майор 31-го егерского полка, членом тайного общества не был, арестован по подозрению, которое навлек на себя перепиской с Шервудом и уведомлением его о месте нахождения Пестеля, затем был освобожден.

²⁶ **Киселев Павел Дмитриевич** (1788–1872) — в 1825 генерал-майор, начальник штаба 2-й армии. Был близок с П.И. Пестелем, И.Г. Бурцевым, Н.В. Басаргиным, подозревался в участии в заговоре, но ему удалось доказать свою невиновность и верность императору.

²⁷ **Юшневский Алексей Петрович** (1786–1844) — в 1825 действительный статский советник, генерал-интендант 2-й армии, член Тульчинской управы Союза благоденствия, один из директоров Южного общества.

²⁸ Первоначально — «Роди» — слово неоконченное и зачеркнуто

²⁹ **Чернышева Анна Родионовна**, урожденная Ведель, графиня (1744–1830) — статс-дама, супруга графа **Захара Григорьевича Чернышева** (1722–1784), фельдмаршала, московского генерал-губернатора, учредителя фамильного майората. Являлась после смерти супруга пожизненной владелицей майората, приходилась двоюродной бабушкой Ф.Ф. Вадковскому.

³⁰ Речь идет о **Вадковском Иване Федоровиче**, полковнике, брате Ф.Ф. Вадковского. В 1821 Иван Вадковский — командир 1 батальона Семеновского полка, был предан суду за то, что допустил беспорядки в батальоне, и в 1822 приговорен к «лишению чести и живота», находился под арестом. За опального брата ходатайствовала в том же году сестра Софья, в 1825 — младший брат Федор через свою бабушку. В 1826 решением военного суда Иван Вадковский за «упущение по службе» был отправлен на службу на Кавказ.

³¹ Первоначально — «отдано» — зачеркнуто.

³² Текст «письме сем» вписан над зачеркнутым «котором».

³³ Имеется ввиду история перевода Ф.Ф. Вадковского из Кавалергардского полка в Нежинский конно-егерский полк за «неприличное поведение» (насмешки и каламбуры в адрес двора, стихи против начальства и великого князя Михаила Павловича) во время маневров под Красным Селом в июле 1824.

³⁴ **Гревс Алексей** — полковой командир 3-го Уланского полка, в котором с 1819 служил Шервуд.

³⁵ Первоначальная редакция — «...что буду ехать через месяц назад и к нему заеду, что буду в Москве и Петербурге, он обещал к своим товарищам дать письмо» — зачеркнуто.

³⁶ **Кириаков Иван** — грек, комиссионер Якова Булгари в его торговых и хозяйственных делах, находился в приятельских отношениях с Шервудом и, вероятно, доставлял интересующую его информацию.

³⁷ **Булгари Яков Николаевич**, граф (?–1828) — отец Н.Я. Булгари, действительный статский советник, занимался в то время коммерческими делами, управлял имениями графини А.Р. Чернышевой, членом тайного общества не был, но по доносу Шервуда привлекался к следствию, был арестован, впоследствии освобожден.

³⁸ Первоначально — «взятия» — зачеркнуто.

³⁹ Эта фраза вынесена на поля рукописи.

⁴⁰ Первоначально фраза начиналась «почему поведал сие» — зачеркнуто.

⁴¹ Первоначально фраза начиналась — «Дождаться ответов от майора» — зачеркнуто.

⁴² Первоначально — «безотлучно» — зачеркнуто.

⁴³ Первоначально — «которое он хотел» — зачеркнуто.

⁴⁴ То есть содержащее важные сведения об обществе, которые Николай Булгари должен был доставить в Петербург.

⁴⁵ Последняя фраза не окончена и зачеркнута.

⁴⁶ Впервые опубликовано: Воля России. — 1925. — № 12. — С. 46–58.

На рукописи сбоку помечено: «Подорожная из Таганрога в разные места Екатеринославской и Слободско-Украинской губернии и обратно у [нтер-]о [фицера] Роману Мульганову из курьерских. 10 ноября № 77».

⁴⁷ В первоначальной редакции — «пришел ко мне» — зачеркнуто.

⁴⁸ В первоначальной редакции перед «через» стояло слово «теперь» — зачеркнуто.

⁴⁹ Первоначально — «по соображении оных» — зачеркнуто.

⁵⁰ Первоначально — «имеют некоторое правдоподобие, и после подробного донесения Шервуда я не нахожу нужным повторять сказанное им» — зачеркнуто.

⁵¹ Первоначально — «выманить у Вадковско» — слово не окончено и зачеркнуто.

⁵² Первоначально — «но это в том только случае, если бы замедлил приездом Булгари» — зачеркнуто.

⁵³ Первоначально — «одобрите ли Ваше Превосходительство» — зачеркнуто.

⁵⁴ Первоначально вместо — «имея» стояло «через разные» — зачеркнуто.

⁵⁵ Первоначальная редакция фразы: «Основывая в заключение всего доношу В[ашему] П[ревосходительству], что основывая наконец» — зачеркнуто.

⁵⁶ «пред В[ашим] П[ревосходительством]» — зачеркнуто.

⁵⁷ Первоначально — «неуспеха» — зачеркнуто.

⁵⁸ Первоначально — «чтобы не сделать» — зачеркнуто.

⁵⁹ Первоначально — «покупки» — зачеркнуто.

⁶⁰ Первоначально — «прожить только» — зачеркнуто.

⁶¹ Вся эта фраза вынесена на поля документа.

⁶² **Бланкет** — бланк, открытый лист.

⁶³ Впервые опубликовано: Воля России. — 1925. — № 12. — С. 46–58.

В рукописи после текста письменного доклада оставлено много пустого места, а дневник начинается с новой страницы.

⁶⁴ Неустановленное лицо.

⁶⁵ **Черкасов Петр Иванович**, барон (1796–1867) — поручик, адъютант генерала Н.М. Бороздина, подозревался в принадлежности к тайному обществу, был арестован, впоследствии освобожден с оправдательным аттестатом.

⁶⁶ Отправляя Николаева, Дибич рекомендовал ему в качестве провокационного средства при удобном случае постараться вступить в тайное общество через Шервуда. Этому предприятию, по мысли Николаева, и должна была служить прокламация в республиканском духе.

⁶⁷ Первоначально — «нечаянно» — зачеркнуто.

⁶⁸ **Барятинский Алексей Петрович**, князь (1799–1844) — штабс-ротмистр, адъютант главнокомандующего 2-й армией графа П.Х. Витгенштейна, член Союза благоденствия и Южного общества, сменивший Пестеля на посту председателя Тульчинской управы за несколько недель до смерти Александра I.

⁶⁹ **Витгенштейн Петр Христианович**, граф (1768–1842) — в 1825 генерал от кавалерии, главнокомандующий 2-й армией.

⁷⁰ Речь идет об известном конспиративном письме Вадковского к Пестелю, где были названы имена важнейших членов тайного общества. Вадковский доверил это письмо Шервуду после того, как тот убедил Вадковского, что в военных поселениях Херсонской

и Екатеринославской губерний создано тайное общество — как известно, это было ловким провокационным маневром Шервуда. Письмо опубликовано: **Вадковский 1954**: 197–200.

⁷¹ **Граббе Павел Христофорович** (1789–1875) — генерал от кавалерии, полковник Северского конно-егерского полка, член Союза благоденствия.

⁷² Первоначально после слова «полка» стояло слово «много» — зачеркнуто.

⁷³ Речь идет о **Толстом Владимире Сергеевиче** (1806–1888), прапорщике Московского пехотного полка, члене Южного общества.

⁷⁴ Имеется в виду Общество Зеленой книги, то есть Союз благоденствия.

⁷⁵ **Шербатов Алексей Григорьевич**, князь (1776–1848) — генерал от инфантерии, командир 4 пехотного корпуса 1-й армии. Был знаком со многими членами тайного общества, подозревался в соучастии в заговоре.

⁷⁶ Встреча П.Н. Свистунова с Ф.Ф. Вадковским состоялась в Курске по возвращении Свистунова с Кавказа после четырехмесячного отпуса в начале осени 1825. Во время этой встречи Свистунов как руководитель Петербургского филиала Южного общества подробно познакомил Вадковского с состоянием дел в филиале.

⁷⁷ Часть фразы от слова «уведомивший...» вставлена на полях рукописи.

⁷⁸ Первоначально — «как видно из письма» — зачеркнуто.

⁷⁹ Часть фразы от слова «чтобы» вставлена на полях рукописи.

⁸⁰ Две последние фразы вставлены на полях рукописи.

⁸¹ Неустановленное лицо.

⁸² Первоначально фраза начиналась со слов «между тем» — зачеркнуто.

⁸³ Первоначально — «дружбы» — зачеркнуто.

⁸⁴ **Чернышев Александр Иванович** (1785 — 1857) — в 1825 генерал-лейтенант, генерал-адъютант, начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии. Своими энергичными действиями парализовал деятельность Южного общества.

⁸⁵ **Майборода Аркадий Иванович** (1798–1844) — капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества, сделал донос на декабристов, полученный Дибичем в Таганроге 1-го декабря 1825.

⁸⁶ **Волконский Петр Михайлович**, князь (1776–1852) — в 1825 генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного со-

вета, приближенное лицо Александра I. Находился в ноябре 1825 в Таганроге и по просьбе Дибича принимал участие в разборе бумаг умершего императора.

⁸⁷ В первоначальной редакции «слезы, от душевной скорби излитые» — зачеркнуто

⁸⁸ Имеется в виду следующий фрагмент из письма Ф.Ф. Вадковского к Пестелю: **«Сергей, брат Матвея, уверял меня, что Грабе принадлежал к самым пылким сторонникам Зеленой книги, а потому, чтобы не попасть в неловкое положение, я сохранил молчание» (Вадковский 1954: 198).**

⁸⁹ **Рот Логгин Осипович** (1780–1851) — в 1825 генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса, руководил подавлением восстания Черниговского пехотного полка.

⁹⁰ Первоначально — вместо «сия» было написано «эта» — зачеркнуто.

⁹¹ Первоначально вместо «давно» стояло «лучше» — зачеркнуто.

⁹² Первоначально — «skonфузился» — зачеркнуто.

⁹³ Неустановленное лицо.

⁹⁴ **Бестужев Александр Александрович**, лит. псевдоним Марлинский (1797–1837) — штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, член Северного общества, прозаик, поэт, критик, активный участник восстания на Сенатской площади. **Бестужев Николай Александрович** (1791–1855) — капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, активный участник восстания на Сенатской площади.

⁹⁵ **Дельвиг Антон Антонович**, барон (1798 — 1831) — поэт, лицейский товарищ А.С. Пушкина, член преддекабристской организации «Священная артель» и литературного общества «Зеленая лампа». К следствию не привлекался.

Литература

Вадковский 1954 — Следственное дело Ф.Ф. Вадковского // Восстание декабристов. Документы и материалы. — М., 1954. — Т. 11. — С. 187–236.

Волконский 1991 — Волконский С.Г. Записки. — Иркутск, 1991.

Давыдов 1962 — Давыдов Ю.Л. Записки о Чайковском. — М., 1962.

Давыдов 1983 — Давыдов А. Воспоминания. 1881–1955. — Париж, 1983.

Л.Л. Бойчук

Иванова 1963 — Иванова Л.М., Сидорова А.Б., Чарушникова М.В. Архив Н.А. Рубакина // Записки ОР ГБЛ. — 1963. — Вып. 26.

Коржов 2005 — Коржов С.Н. К истории провокации И.В. Шервуда. // 14 декабря 1825 года. — Вып. VII. — СПб., 2005. — С. 215–295.

Мироненко 2002 — Мироненко С.В. 14 декабря могло не быть // Отечественная история. — 2002. — № 3.

Троицкий 1990 — Троицкий И.М. III-е отделение при Николае I. — Л., 1990.

Федоров 1988 — Федоров В.А. Своей судьбой гордимся мы. — М., 1988.

Шильдер 1903 — Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. — СПб., 1903 — Т. I.

Шильдер 1905 — Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. — СПб., 1905. — Т. IV.

Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах Государственного архива Одесской области

Вступительная статья, подготовка текста и примечания
О.И. Киянской

В фондах Государственного архива Одесской области (ГАОО) содержатся документы, имеющие прямое отношение к следствию над членами тайных обществ. Это — часть делопроизводства Следственной комиссии 1826 г.

Документы найдены в личном фонде Шемиотов — литовских дворян, осевших в начале XIX в. в Одессе и Херсонской губернии. Глава семейства, Викентий Леонтьевич Шемиот, бумаги которого, собственно, и легли в основу этого фонда, — личность, достаточно известная историкам и литературоведам.

Комиссариатский чиновник, в годы войн с Наполеоном он занимался поставками для армии, числился в казачьих войсках есаулом. С 1817 г. Шемиот — Екатеринославский вице-губернатор, с 1820 — гражданский губернатор. На этой должности Шемиот пробыл до 1825 г., затем, по не выясненным до конца причинам, был от этой должности отстранен; умер Шемиот в 1840 г. в Одессе (Биографию В.Л. Шемиота см: **Серков 2001**: 891). По воспоминаниям подчиненного Шемиота, екатеринославского чиновника А.М. Фадеева, губернатор

«был человек весьма заботливый о своих интересах, хотя добрый, неглупый и вполне порядочный во всех других отношениях» (Фадеев 1897: 69).

14 декабря 1825 года

Источники, исследования, историография, библиография
Вып. VIII

Оригинал-макет *М.М. Антонец*
Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать 30.11.2010. Формат 60x84 ¹/₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 36,5
Тираж 500 экз. Заказ № 1866

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

Все книги издательства «Нестор-История»
можно приобрести
в магазине издательства «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
по адресу: ул. Петрозаводская, д. 9, Литер А, тел. (812) 490-64-99
или заказать:
postbook@dbulanin.ru
«Книги почтой»

По вопросам оптовой торговли обращайтесь
по адресу: Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

